

ЕДИНСТВО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО – ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ СВОБОДЫ ТВОРЧЕСТВА

Е.И. Кузьмина

Военный университет МО РФ (Москва, Россия)

Аннотация. Рассматриваются единство эмоционального и интеллектуального в качестве дополнительной мотивации свободы творчества, а также самоэффективность как экзистенциал, воплощающий единство эмоционального и интеллектуального в их высшем проявлении (поэтическом творчестве) и выступающий детерминантой познавательной активности, переживания сопричастности человека миру.

Ключевые слова: единство эмоционального и интеллектуального; побочный продукт; самоэффективность; свобода творчества; поэтическое творчество.

На основе субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна, философских и психологических представлений о свободе нами предложен и разрабатывается *рефлексивно-деятельностный подход* к пониманию феномена свободы личности [1], предполагающий единство процессов рефлексии и деятельности. С позиций данного подхода **свобода** – осознание, переживание и изменение субъектом границ пространства своих виртуальных возможностей. Осознание свободы возникает в ходе самоопределения – построения такого отношения к границам пространства своих виртуальных возможностей или изменения этих границ, при котором преодолеваются препятствия самореализации. Внутренняя свобода проявляется в том, что, встречая препятствие, человек осознаёт противоречие, принимает решение согласно долгу, ответственности и поступает по внутреннему убеждению.

В соответствии с содержанием рефлексивно-деятельностного подхода **свобода творчества** может выступить предметом эмпирического исследования как осознание, переживание и изменение границ виртуальных возможностей человеком в ходе порождения им нового, оригинального образа, открытия и воплощения в деятельности уникального знания, значимого с точки зрения культуры и её развития. В творчестве человек преодолевает границы единичного, природного «Я», открыт миру. Преодоление ограничений в процессе полета фантазии, потока мыслей может происходить слишком быстро для того, чтобы быть замеченным (стать предметом рационального типа рефлексии).

В этой открытости миру происходит познание нового, ранее не бывшего в опыте человека. Как и за счет чего открытие нового становится возможным? Отечественные психологи XX в. – С.Л. Рубин-

штейн, Я.А. Пономарев, их последователи – анализировали этот процесс на уровне механизмов, по-своему решали парадокс мышления, сформулированный Платоном: «Ни тот, кто знает, не станет искать: ведь он уже знает и ему нет нужды в поисках; ни тот, кто не знает: ведь он не знает, что искать».

С.Л. Рубинштейн в работе «О мышлении и путях его исследования» пишет о механизме – «основном нерве» процесса мышления: «Неизвестное – искомое задачи. Это не есть абсолютная пустота, это искомое связано с тем, что уже известно человеку. Исходя из того, что уже известно, исходя из связи известного и неизвестного становится возможным искать и находить новое, до этого скрытое, неизвестное. Таким образом, объект мышления, благодаря включению в новые и новые связи, выступает в новых свойствах и новых качествах. И чтобы глубже познать какой-то объект, необходимо слегка поворачивать его, связывать каждый раз с другим» [2. С. 98–99].

Внешнее окружение, преломляясь через внутренние условия, может выступить и препятствием, и дополнительным источником возможностей. В ходе познания, осуществления сознательного действия, решения задач проблемного типа (предметных или экзистенциальных) человек своими действиями выходит за пределы ситуации и за пределы самого себя: «Своими действиями я непрерывно взрываю, изменяю ситуацию, в которой нахожусь, а вместе с тем непрерывно выхожу за пределы самого себя. Этот выход за пределы самого себя... становление и реализация, отрицается только моё наличное бытие, моя завершенность, моя конечность» [3. С. 345].

В своих работах, посвященных концепции творчества Я.А. Пономарева, Д.В. Ушаков раскрывает особенности решения этим талантливым ученым Платонова парадокса [4. С. 38–42]: «Побочно фиксируемая информация задает тот репертуар возможностей, то дополнительное богатство знаний, которые позволяют человеку открывать нечто новое, устанавливать новые закономерности» [Там же. С. 41].

Согласно концепции Я.А. Пономарева, новые знания человек приобретает при решении творческих задач благодаря побочному продукту действий, представленному первичными моделями в неосознаваемом опыте исследователя (результате взаимодействия с предметами, с которыми ему приходилось действовать): «Открытие нового происходит тогда, когда складываются условия, обеспечивающие переориентировку, перевод удачно сложившегося побочного продукта действия в форму прямого, иначе говоря, когда создается *возможность осознания этого побочного продукта*, включения его в сферу высшей формы взаимодействия субъекта с объектом.

После осознания побочного продукта соответствующие интуитивные знания включаются в сознательно организованный опыт, обобщая и расширяя его. Позднее эти знания могут быть оречевлены,

выражены в знаковых моделях обычного языка, формализованы посредством метаязыка и т.п. Они, таким образом, могут совсем перестать быть знаниями интуитивными» [5. С. 169].

При всем различии приведенных выше представлений о возникновении новых знаний в них, на наш взгляд, есть общее – реальность благодаря новому объекту, его познанию (осознанию) воспринимается по-новому: человек может выходить за границы ситуативных отношений между наличным содержанием и требованиями ситуации, преодолевать границы ситуации в процессе анализа через синтез (С.Л. Рубинштейн), а также быть открытым интуитивному знанию (Я.А. Пономарев).

Ярким примером интуитивных открытий являются открытия великих ученых в различных отраслях знаний: в области физики – закона всемирного тяготения И. Ньютона, теории относительности А. Эйнштейна; в области химии – периодического закона и периодической системы химических элементов Д.И. Менделеева и т.д.

Наивно полагать, что Ньютон сидел под яблоней, увидел, как яблоко падает на землю, и сформулировал закон всемирного тяготения (по поводу этого мифа иронично высказывались Вольтер и Гаусс). Д.И. Менделеев увидел во сне таблицу химических элементов, дифференцированных на основе не только атомного веса, но и валентности.

Творчество – это ежедневный самозабвенный труд, приносящий в итоге радость открытия. Здесь уместно вспомнить ответ Л.Н. Толстого одному графу, который с восхищением после прочтения романа «Война и мир» написал его автору девять раз на одной странице «Какой Вы талантливый!». В ответ Лев Николаевич написал: «Уважаемый граф! Ну что Вы заладили: талант, да талант! Посадите себя в яму на пять лет, перепишите одно и то же пять раз и Вы будете талантливы!». Как известно, Л.Н. Толстой работал над своим романом пять лет, неоднократно его переписывал, никуда не выезжал из Ясной Поляны.

Свобода творчества выступает условием саморазвития личности, её продуктивного мышления. В работе «Любовь и воля» Р. Мэй побуждает читателя задуматься над вопросом: «Разве творчество не приводит человека к границам сознания и не толкает его по ту сторону? Разве это не требует усилий и отваги, превосходящих человеческие возможности?» [6. С. 139]. В книге «Мужество творить» он пишет о феномене необходимости границ для творчества и мужестве в их преодолении. Признание этого феномена и, соответственно, работы по расширению или сокращению границ логично следует из представления о сознании как «продукте диалектического конфликта между возможностями и ограничениями» [Там же. С. 103].

Свобода творчества основана на единстве функционально-динамических компонентов сознания. Её предикторами являются индивидуальные особенности личности, ментальный опыт, интеллект –

креативность и другие качества ума (все вместе они составляют *ресурс субъекта*). Динамичную, процессуальную природу мысли подчеркивали и пытались раскрыть некоторые философы, поэты, писатели, ученые. Так, А.С. Пушкин в стихотворении «Осень» в метафорической форме выражает свое понимание свободы поэтического творчества:

... И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы лёгкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны...

Плывёт. Куда ж нам плыть?...

В творчестве, особенно на его начальных этапах, поэт (художник) решает не задачу, в которой условия и требования определены, а проблему, как её понимает А.В. Брушлинский, – с поиском неизвестного.

Активность творческой мысли отличается повышенной энергией в состоянии переживания вдохновения и, благодаря избыточной природе средств искусства (в литературном творчестве, по мнению И. Бродского [7], таким средством является слово), проявляет себя в невероятной скорости порождения новых образов, восхождении человека к новым смыслам. «Смысловые волны – сигналы», по образному выражению О. Мандельштама, приводят поэта к «порывообразованию»: «Это закон обратимой и обращающейся поэтической материи, существующей только в исполнительном порыве» (О. Мандельштам. Разговор о Данте). Познавательная деятельность субъекта (осуществляющаяся в колоссальном пространственном, семантическом и рефлексивном диапазоне, в котором происходят игра образа и действия, значения и смысла, поиск новых способов решения задачи, трансформация временной оси, прорыв в будущее, экзистирование, постижение сути объекта) является отражением, воплощением и условием развития богатства души (*духовный и интеллектуальный потенциал личности*).

Перечисленные выше процессы могут трактоваться по-разному в зависимости от методолого-теоретического направления изучения человека и его сознания: в *феноменологическом и субъектно-деятельностном подходе* – через механизмы и феномены трансформации субъекта в переходах «единичное – особенное – всеобщее» (Г. Гегель), движения субъекта от имманентности к трансценденции, экзистированию (К. Ясперс, С.Л. Рубинштейн), разрешения диалектического противоречия между возможностями и ограничениями в сознании и творческом акте (Р. Мэй), анализа через синтез (С.Л. Рубинштейн,

А.В. Брушлинский), соотношения когнитивных стилей – аналитичности и холистичности (Р.Е. Нисбетт, В.В. Знаков); на основе *принципа единства логического и интуитивного* – с учетом роли инсайта, побочного продукта в творчестве (Я.А. Пономарев, Д.В. Ушаков); в *рефлексивном подходе* – системы рефлексивных рангов (В.А. Лефевр); в изучении *природы порождающей структуры* – творчества и сознания, мгновенных актов мысли в зазорах длящегося опыта (В.П. Зинченко [8]); с позиций *теории социального научения* (А. Бандура) – посредством актуализации и усиления самоэффективности.

Эвристичными для дальнейшего изучения свободы творчества, возможностей её достижения и развития в совместной деятельности являются современные теории и концепции отечественных психологов – коллективного субъекта деятельности (А.Л. Журавлёв), принятия решения в условиях неопределенности (Т.В. Корнилова), а также структурно-динамическая теория интеллекта (Д.В. Ушаков), обобщающая концепция рефлексии (А.В. Карпов), концепция многомерного сознания (В.Ф. Петренко).

В настоящей работе предпринимается попытка прояснить значение дополнительной мотивации творческой деятельности. Мы полагаем, что свобода творчества обеспечивается нарастающей мотивацией, усиление которой происходит во многом за счет единства эмоционального и интеллектуального компонентов сознания, развития самоэффективности, обогащения процесса переживания, повышения мыслительной активности. Когда у человека чувства и интеллект находятся в единстве, он легче преодолевает препятствия в познании, творческой деятельности. Эмоции поддерживают смысловое поле. Деятельность становится значимой, трудное – интересным.

Идея единства эмоционального и интеллектуального, впервые высказанная за триста лет до новой эры древнегреческим философом Платоном (метафора возницы и двух коней) [9] и развитая Р. Декартом в XVII в., сформулирована в отечественной психологии Л.С. Выготским в качестве принципа развития ребенка, модели сознания человека. В работе «Мышление и речь» Л.С. Выготский пишет: «Анализ, расчленяющий сложное целое на единицы... показывает, что существует динамическая смысловая система, представляющая собой *единство аффективных и интеллектуальных процессов*... что во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее. Он позволяет раскрыть прямое движение от потребности побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» [10. С. 22]. По его мнению, мышление и аффект представляют части единого целого – человеческого сознания; единство аффекта и интеллекта, выступающее в переживании, обнаруживается в

их взаимовлиянии на всех ступенях психического развития; эта связь является динамической.

На основе теории личности и общепсихологических принципов, предложенных С.Л. Рубинштейном, мы можем глубже понять сущность единства эмоционального и интеллектуального в структуре сознания. С.Л. Рубинштейн писал: «При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия... ничто в её развитии не выводимо из внешних воздействий... внешнее воздействие даёт тот или иной психический эффект, лишь преломляясь через психическое состояние, через сложившийся у неё строй мыслей и чувств... В этом суть активности личности» [11. С. 315]. «Сложившийся строй мыслей и чувств» – не случайно автор теории личности как субъекта деятельности выделяет во внутреннем мире человека, интегративном по своей природе, эмоциональную и когнитивную составляющие сознания, акцентируя первостепенную значимость проблемы их единства для психологической науки. Это единство обеспечивает норму человеческого – субъектного способа существования, конструктивное решение когнитивных и экзистенциальных задач, лежит в основе творческой деятельности, нравственного поведения – поступков в ситуациях общения и взаимодействия с другими людьми. С.Л. Рубинштейн в своих работах на основе разрабатываемого им с 20-х гг. XX в. субъектно-деятельностного подхода, идеи опосредствования понимает проблему единства эмоционального и интеллектуального в диалектическом плане: «Всякая реальная эмоция обычно представляет собой единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания, поскольку она включает в себя в той или иной мере и волевые моменты, влечения, стремления, поскольку вообще в ней в той или иной мере выражается весь человек... В действительности нужно говорить не просто о единстве эмоций и интеллекта в жизни личности, но о единстве эмоционального, или аффективного, и интеллектуального внутри самих эмоций, так же, как и внутри самого интеллекта» [12. С. 153]. Единство эмоционального и интеллектуального следует из того, что они «...являются в конечном счёте зависимыми компонентами конкретной жизни и деятельности индивида, в которой в единстве и взаимопроникновении включены все стороны психики» [Там же. С. 141].

Единство и высшее его проявление – гармония эмоционального и интеллектуального – составляет органику поэтического творчества, выступает предметом его анализа в работах И. Бродского, О. Мандельштама, Б. Пастернака, М. Хайдеггера, М. Цветаевой и др. Эмоция, которая переживается поэтом, опосредована мыслью, а поэтическая мысль содержит эмоциональный заряд:

Когда строку диктует чувство –
Оно на сцену шлёт раба.
И тут кончается искусство.
И дышит почва и судьба.

(Б. Пастернак)

Эмоциональные и интеллектуальные процессы могут активизироваться при воздействии какой-либо внешней причины и находиться не только в единстве, но и во взаимопроникновении, гармонии, которая становится возможной благодаря особенностям внутреннего мира поэта – впечатлительности, развитому воображению, свободному уму, тонкой и возвышенной душевной организации. К примеру, камешек, который А.С. Пушкин принёс домой из сада после прогулки с Анной Керн (она запнулась об него) и положил на письменный стол, выступил причиной (вызвал вдохновение), так «преломился через строй мыслей и чувств» поэта, что в итоге получился шедевр:

Я помню чудное мгновенье,
Передо мной явилась ты,
Как мимолётное виденье,
Как гений чистой красоты.

Очевидно, решение вопроса о соотношении эмоционального и интеллектуального приоткрывает *динамическую и содержательную специфику творчества*. Проблема творчества в отечественной психологии привлекает внимание многих психологов, предметом изучения которых выступили: соотношение спонтанности и рефлексивности (Г.Г. Шпет, В.П. Зинченко, И.Н. Семенов), природа инсайта (А.В. Брушлинский), роль бессознательного в решении творческих задач (Я.А. Пономарев, Д.В. Ушаков, В.В. Селиванов), одаренность, проблемное обучение (А.М. Матюшкин и др.), интеллектуальная инициатива как критериальный показатель креативности (Д.Б. Богоявленская) и т.д.

Идея единства эмоционального и интеллектуального развивается в русле когнитивной концепции эмоций (С. Шехтер, Р. Лазарус), теории смысловой регуляции мышления (О.К. Тихомиров); она выступает основой изучения феномена свободы творчества человека (Е.И. Кузьмина), эмоционального интеллекта (В.Д. Люсин).

Особую значимость для психологического понимания свободы имеют работы философов (Б. Спиноза, И.Г. Фихте, Г. Гегель, Ф. Ницше, философы-экзистенциалисты, русские философы), в которых раскрывается функция эмоций и разума в её достижении. В них показано, что переживание, отношение человека к себе и к миру является одним из условий существования этого феномена. Эмоции выступают поставщиками первой, ещё не в полной мере осознанной информации о столкновении человека с препятствием. В дальнейшем эта информация осознаётся, поступает в ведение разума, мышления. Ситуация из не-

определённой становится ясной с более или менее четко обозначенными альтернативами поведения. Эмоциональное отношение субъекта к объекту познания обеспечивает интенсификацию процессов осознания и изменения границ возможностей.

Мы предполагаем, что диалектическая взаимосвязь, единство эмоционального и интеллектуального, выступает в качестве *дополнительной мотивации познавательной деятельности*. Дополнительная мотивация, согласно теории социального научения А. Бандуры, возникает в ситуациях социального научения, решения поставленной извне человеку (учащемуся) задачи в условиях выбора степени ее сложности и обратной связи (знания результатов решения), что дает возможность осознать свой успех, самоэффективность и осуществлять саморегуляцию.

«Самоэффективность» (self-efficacy) – вера людей в свою эффективность происходит из четырёх основных источников: достижение высоких результатов в чем-либо, социальное моделирование, социальное побуждение, снижение острых физиологических реакций или изменение способов интерпретации своих физиологических состояний» [13. С. 777]. По мнению А. Бандуры, «...люди с сильно выраженным чувством личной эффективности рассматривают трудные задачи как вызов, позволяющий им продемонстрировать свои способности... ставят перед собой высокие и ответственные цели и демонстрируют настойчивость в их достижении; концентрируют свое внимание на аспектах, связанных с заданием... приписывают причины неудачи недостатку усилий или недостатку знаний и умений, который можно восполнить; увеличивают усилия при возникновении затруднений; быстро восстанавливают своё чувство эффективности после неудач или снижения успешности; проявляют низкую подверженность состояниям стресса и депрессии» [Там же. С. 778]. Без когнитивной основы мотивации не может осуществляться ее саморегуляция: «...большая часть человеческой мотивации формируется на основе когнитивных процессов. При когнитивной мотивации люди сами мотивируют себя и руководят собственными действиями посредством предварительного проигрывания их в мысленном плане. Они формируют представления в отношении того, что они могут сделать, оценивают вероятную эффективность возможных действий, ставят перед собой цели и планируют способы достижения будущих ценных последствий» [Там же. С. 777].

Таким образом, если человек написал стихи или нашел принцип решения сложной задачи и решил её, он сам и группа высоко оценили результат деятельности, то у него актуализируется и усиливается чувство самоэффективности; он может сделать вывод: «Я умный! Я могу!». Опыт многократного успеха в своей творческой деятельности порождает и усиливает личностные качества, способствующие самоактуализации. Здесь уместно вспомнить мнение А.С. Пушкина, высказанное им в статье «О Вольтере» (1836 г.): «Независимость и са-

моуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

По всей вероятности, *чувство самоэффективности, выступающее одним из факторов субъектности, является дополнительной мотивацией творческой деятельности*, становится устойчивым желанием человека самому разобраться в сложном задании, найти логику движения в его выполнении, открыть суть исследуемого явления, осознать себя самоэффективным.

По степени адекватности самоэффективность, как и самооценка, может быть адекватной и неадекватной. В случае неадекватного ее проявления человек уподобляется крошке Цахесу из сказки Гофмана – купается в лучах славы за счет труда других людей. Такой человек, очевидно, с детства не знает слова «нет»; ему всё легко давалось: «на, возьми!». Он привык брать. Перелом в сознании наступает не сразу.

С учетом содержания, ценности и значимости профессиональной деятельности адекватное чувство самоэффективности может быть разного уровня. Пожалуй, более развернутая (с большим диапазоном рефлексивных рангов) рефлексивная оценка своей творческой деятельности осуществляется поэтом, чье призвание, как пишет М. Хайдеггер, анализируя творчество Гёльдерлина, орфическое: поэт видит «просветы» бытия, открывает людям смыслы и перспективу развития: «Поэзия есть установление бытия посредством слова... Сказ поэта есть установление не только в смысле свободного дарения, но равным образом и в смысле прочного обоснования человеческого Вот-бытия на его основе» [14]. Стремление проникнуть в сущность бытия осознаётся самим поэтом. Непревзойденные по глубине откровения, искренность, убежденность, результаты поэтической рефлексии мы встречаем в стихотворении Б. Пастернака:

Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины...

В поиске сущностного нет места эгоистическому самолюбованию. Предназначение и кредо творческого человека – в другом, противоположном эгоизму и демонстративности.

Цель творчества – самоотдача,
А не шумиха, не успех...
Позорно ничего не знача
Быть притчей на устах у всех...
Но надо жить без самозванства,

Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов...

(Б. Пастернак)

По всей вероятности, открывая сущностное, уникальное знание о Бытии, испытывая упоение от процесса творчества, субъект творчества (поэт, художник, писатель, философ, ученый) на время отстраняется (абстрагируется) от своего «Я»: при этом чувство самоэффективности уходит на второй план. Однако при рефлексии на продукт своего творчества, понимание, что он даёт людям и как обогащает речь, поэт может переживать чувство собственного достоинства – наивысшее проявление самоэффективности, выступающее залогом будущих творческих устремлений. А.С. Пушкин в письме П.А. Вяземскому (начало ноября 1825 г.) писал: «Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал: ай да Пушкин, ай да сукин сын!». Таким образом, на уровне переживания высших чувств достигается единство эмоционального и интеллектуального в их высшем проявлении. Самоэффективность при этом поднимается до экзистенциального уровня отношения человека к миру, становится в ряд с другими экзистенциалами, выделенными философами (вина, отчаяние, тревога...).

Творчество самоценно. Этот дар надо беречь.
...Давно смолкли залпы орудий.
Над нами лишь солнечный свет.
На чем проверяются люди,
Когда войны уже нет...
...В полях обезврежены мины,
Но мы не на поле цветов.
Вы поиски, звёзды, глубины
Не сбрасывайте со счетов...

(В.С. Высоцкий)

Соотношение эмоционального и интеллектуального имеет место и при решении предметных задач на занятиях в школе и вузе. Как только учащийся самостоятельно нашёл принцип решения, у него возникает состояние «Эврика!». Заслуженный учитель России В.С. Тейтельман говорил: «...а дальше – арифметика. Решение задач запишете дома». Вот почему мы на его уроке в десятом классе решали более четырнадцати задач по физике повышенной сложности (для поступающих в вузы), в то время как в параллельном классе с другим учителем ученики решали только две задачи.

Методологически значимой для понимания единства эмоционального и интеллектуального в творчестве является теория мышления Я.А. Пономарева, предложенное им и развиваемое в современной пси-

хологии его учениками и последователями представление о побочном продукте и, соответственно, о возможности «поступления информации помимо сознательных установок субъекта» [15. С. 149]. Раскрывая вклад Я.А. Пономарева в изучение природы и механизмов творчества, Д.В. Ушаков пишет: «Центральная роль побочного продукта в творчестве означает отход целенаправленности на второй план, передачу главенства во взаимодействии от субъекта объекту. Объект начинает транслировать информацию для построения наших моделей мира помимо, в обход наших сознательных установок и целей. За счет этого процесса окружающий мир как бы врывается в наше сознание, не позволяет ему законсервироваться в себе. Именно эта проблематика заключена у Пономарева в понятии взаимодействия, подчеркивающим не только активность субъекта по отношению к объекту, но и обратное влияние объекта» [15. С. 148]; «Я.А. Пономарев... показывает, что когнитивная система в каждый момент времени пребывает в состоянии, когда ей более доступно либо логическое, либо интуитивное знание. Человек как бы осциллирует между состоянием, когда он знает, куда идти, и идет в эту сторону, и состоянием, когда он не знает и ждёт, что голос извне (интуиция) сообщит ему, где находится интеллектуальный клад. Таким образом... концепция Я.А. Пономарева... рисует целостный образ человека и познания им окружающего мира» [16].

Итак, мы полагаем, что побочный продукт, включаясь в обратную связь в ходе осознания субъектом результатов решения задачи или шагов движения поэтической мысли, может вызвать у него чувство самозффективности, инициировать дополнительную мотивацию творческой деятельности, способствующей преодолению в ней препятствий.

Литература

1. Кузьмина Е.И. Психология свободы: теория и практика : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2007.
2. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М. : Изд-во АН СССР, 1958.
3. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М. : Педагогика, 1973. 424 с.
4. Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / под ред. Д.В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2006.
5. Пономарев Я.А. Психология творения. Воронеж : МОДЕК, 1999.
6. Мэй Р. Мужество творить: Очерк психологии творчества. Львов : Инициатива ; Москва : Институт общегуманитарных исследований, 2001.
7. Иосиф Бродский. Власть стихий. Эссе. СПб., 2012.
8. Зинченко В.П. Сознание и творческий акт. М. : Языки славянских культур, 2010.
9. Платон. Диалоги : [пер. с древнегр.]. М. : Астрель, 2011.
10. Выготский Л.С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 2 : Проблемы общей психологии / под ред. В.В. Давыдова. М. : Педагогика, 1982.
11. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: о месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М. : Изд-во АН СССР, 1957.
12. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии : в 2 т. М : Педагогика, 1989. Т. 2.

13. Бандура А. Самоэффективность (self-efficacy) // Психологическая энциклопедия. 2-е изд. / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб. : Питер, 2006. С. 777–778.
14. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии // Логос. Философско-литературный журнал. М., 1991. Вып. 1. С. 37–47.
15. Ушаков Д.В. Психология интеллекта и одарённости. М. : Институт психологии РАН, 2011. 464 с.
16. Творчество: от биологических оснований – к социальным и культурным феноменам / под ред. Д.В. Ушакова. М. : Институт психологии РАН, 2011. 735 с.

THE UNITY OF EMOTIONAL AND INTELLECTUAL - EXTRA MOTIVATION FOR FREEDOM OF CREATIVITY

Kuzmina Elena I. Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation).

E-mail: kuzminaell@yandex.ru

Keywords: unity of emotional and intellectual; a side product, self-efficacy; freedom of creativity; poetic creativity.

Abstract

Freedom of creativity is based on the unity of functional-dynamic components of consciousness. From the viewpoint of reflexive-activity approach, developed by us based on subject-activity approach S.L. Rubinstein, it can be the subject of empirical research as awareness, experience and changing the boundaries of the virtual possibilities of the person in the course of the produced by him new, original image, discovery and embodiment of the activities of the unique knowledge, significant from the point of view of culture and its development. Its predictors are individual peculiarities of the personality, mental experience, intelligence, creativity, and other qualities of the mind (all together they constitute a resource of the subject). Freedom of creativity is ensured by increasing the motivation, the strengthening of which occurs at the expense of the unity of emotional and intellectual, development of self-efficacy, enrich the experience, enhance mental activity. When the senses and intellect are in unity, subject easier to overcome obstacles in the knowledge, creative activity. Emotions support the semantic field. Activity becomes significant, what is difficult becomes interesting.

According to the theory of social learning of A. Bandura, additional motivation occurs in situations of social learning, of solving tasks given to a person with the ability to choose the level of their complexity and feedback, giving the opportunity to realize own success, self-efficacy and to exercise self-control. It is highly probable that a sense of self-efficacy is an additional motivation for creative activity, it becomes a resistant desire of a man to understand the complex task, to find the logic of the movement in its execution, to open the essence of the phenomenon, to realize itself as self-efficacy. Opening of the essential knowledge about the Being, experiencing the intoxication of the creative process, the person is abstracted from his Self for sometime and a sense of self-efficacy goes to the side. During the self-reflection about the products of creativity, understanding that they give to other people, a person might start having dignity that is the highest expression of self-efficacy, the pledge of the future creative aspirations. Self-efficacy is raised to the existential level of the relations of a man with the world, which is in line with other existentials (guilt, despair, anxiety...). A byproduct of joining in the feedback in the course of realizing the results of tasks or the ways how the poetic thought is flowing by the person might cause him to have a sense of self-efficacy, initiate additional motivation for creative activities, contributing to overcome obstacles in it.

References

1. Kuz'mina E.I. *Psikhologiya svobody: teoriya i praktika* [Psychology of freedom: theory and practice]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007. 336 p.
2. Rubinstein S.L. *O myshlenii i putyakh ego issledovaniya* [On thinking and ways of its research]. Moscow, the USSR Academy of Science Publ., 1958. 145 p.
3. Rubinstein S.L., Sorokhova E.V. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1973. 423 p.
4. Ushakov D.V. (ed.) *Psikhologiya tvorchestva. Shkola Ya.A. Ponomareva* [Psychology of creativity. The school of Ya.A. Ponomarev]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2006. 624 p.
5. Ponomarev Ya.A. *Psikhologiya tvoreniya* [Psychology of creativity]. Voronezh, MODEK Publ., Moscow, MPSI Publ., 1999. 480 p.
6. May R. *Muzhestvo tvorit': Ocherk psikhologii tvorchestva* [The courage to create. An essay on psychology of creativity]. Translated from English by P.P. Maksima. L'vov, Initsiativa Publ., 2001. 128 p.
7. Brodsky I. *Vlast' stikhiy* [Power of the elements]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 220 p.
8. Zinchenko V.P. *Soznanie i tvorcheskiy akt* [Consciousness and the act of creation]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. 588 p.
9. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. Translated from old Greek by A. Egunov. Moscow, AST Astrel' Publ., 2011. 349 p.
10. Vygotsky L.S. *Problemy obshchey psikhologii* [Problems of General Psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1982.
11. Rubinstein S.L. *Bytie i soznanie. O meste psikhicheskogo vo vseobshchey vzaimosvyazi yavleniy material'nogo mira* [Being and consciousness. The place of psychic in common relations of the material world phenomena]. Moscow, the USSR Academy of Science Publ., 1957. 328 p.
12. Rubinstein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Moscow, 1989.
13. Bandura A. *Samoeffektivnost'* [Self-efficacy]. In: Corsini R., Auerbach A. (eds.) *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Concise Encyclopedia of Psychology]. Translated from English. St. Petersburg, Piter Publ., 2006, pp.777-778.
14. Heidegger M. *Gel'derlin i sushchnost' poezii* [Hölderlin and the essence of poetry]. Translated from German by A.V. Chusov. *Logos*, 1991, no. 1, pp. 37-47.
15. Ushakov D.V. *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [Psychology of intelligence and giftedness]. Moscow, Institute of Psychology PAS Publ., 2011. 464 p.
16. Ushakov D.V. (ed.) *Tvorchestvo: ot biologicheskikh osnovaniy k sotsial'nym i kul'turnym fenomenam* [Creativity: from biological bases to social and cultural phenomena]. Moscow, Institute of Psychology PAS Publ., 2011. 735 p.